

Игорь Тарквимада

**ПЬЕСЫ
О СОВЕСТИ
И ЧЕСТИ**

Игорь Тарквимада

Пьесы о совести и чести

«Издательские решения»

Тарквимада И.

Пьесы о совести и чести / И. Тарквимада — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-501216-6

В этом сборнике четыре пьесы. О Совестьи, о чести, о доблести, о подлости и лицемерии. О подвиге солдата в горах Кавказа.

ISBN 978-5-00-501216-6

© Тарквимада И.
© Издательские решения

Содержание

ИГОРЬ ТАРКВИМАДА	6
(военная трагедия)	7
Эта пьеса о том, как русский солдат попадает в плен к боевикам в горах Чечни, мужественно и стойко выносит их пытки. Черные платки	7
«умри солдат, но чести не утрать»	8
Занавес. Конец. ИГОРЬ ТАРКВИМАДА	16
Пьеса	16
«добренький, не значит добрый»	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Пьесы о совести и чести

Игорь Тарквимада

© Игорь Тарквимада, 2019

ISBN 978-5-0050-1216-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ИГОРЬ ТАРКВИМАДА ПЬЕСЫ О СОВЕСТИ

Почта для контакта: igor.tarkvimada@yandex.ru

Черные платки – Эта пьеса о том, как русский солдат попадает в плен к боевикам в горах Чечни, мужественно и стойко выносит их пытки.

Бог судит, а не люди – Эта пьеса о том, как поверхностная духовность и доброта оказываются ложными, а истинное состояние души – подлость и лицемерие.

ДВА ПОЛИЦАЯ – Эта пьеса о том, что можно быть в грязи с наружи, но душу не запачкать.

Экзорцизм через аутодафе или лицензия на убийство (философская фантастика) – Эта пьеса утопическая фантастика, не столько художественная, сколько философская и морально-нравственная. О том, как человек попадает в параллельный мир – идеальное общество, без зла и насилия. В ходе общения с людьми индиго он познает процесс образования такого общества.

Он познает исторические предпосылки образования идеального общества, духовный мир людей до их координального изменения мировоззрения и духовной сущности. Этапы пути изменений. Конкретные действия по изменению морально – нравственной сущности человека. Добро приходит через «зло» – официального разрешения на одно убийство, которое, в конечном счете, люди перестанут использовать. Экономическое переустройство общества, ведущее к устранению контролирующих органов.

(в некоторых пьесах используется простонародная речь)

**Пьеса
В 1 акте**

Черные платки

(Посвящается безымянным войнам, с честью выполнившим свой долг перед Родиной)

(военная трагедия)

**Эта пьеса о том, как русский солдат попадает
в плен к боевикам в горах Чечни, мужественно
и стойко выносит их пытки. Черные платки**

«умри солдат, но чести не утрать»

Действующие лица:

Прапорщик российской армии- главный герой (мужчина 40—45 лет),

Сержант российской армии.

– **Солдат, рядовой.**

– **Солдат рядовой**

– **Солдат рядовой.**

Сержанту и рядовым 18—20 лет.

Боевики- 8—9 человек.

Командир боевиков (35—40 лет)

Декорация: на полотне в глубине сцены нарисованы горы и строение с деревянными воротами. На сцене бутафорски камни и валуны примерным диаметром 0,5—1 м.

На сцену выбегают прапорщик, сержант и 3-ерядовых, все уставшие и запыхавшиеся от бега по горам. Они уходят от погони боевиков, после выполнения боевого задания. У одного из солдат за спиной рация. Рассаживаются около камней.

1-й солдат:

– Похоже нам хана. Уйти не получится. **2-й солдат**

–Эти суки нависли, не оторвешь

Сержант:

– Ладно, главное задание выполнили. Взорвали перевал. Теперь им придется в обход, через ущелье идти, а там их наши встретят.

Солдат с рацией:

– Черт, и рацию разбила. Передать не получится нашим, что задание выполнили. Тогда бы ребят с перевала на ущелье перебросили. Духам бы тогда точно крышка.

Прапорщик:

– Ничего, воздушная разведка разберется. А все таки мы молодцы, а хлопцы. Работу сработали и без потерь.

3-й солдат:

– Ага, без потерь, кроме нас

Прапорщик:

– Отставить панику, мы еще живы. А коль придется в горы лечь, так это ж только раз, как поется в хорошей песни. Но мы одни не ляжем, мы их с собой всех заберем. Правильно я говорю, сынки?

При словах «мы их с собой всех заберем», прапорщик делает движение головой за кулисы, якобы в сторону духов.

Сержант:

– Да так-то, оно так, но я ведь если честно я и девчонки голой не видел.

Прапорщик:

– Не дрейфь. Когда-то всем придется уходить в иной мир. Жизнь что, мгновение, сколько не живи все равно мало. Главное честь. Вот основной критерий, по которому нас Бог судит. Как сказал один десантник из хорошего фильма, ни главное когда умереть, главное как. Подожди, как ты девчонки не видел, ну всмысле, красоту ее, ты же женат.

Сержант:

– Эх, да дибил я. Познакомились мы сней за два месяца до моего ухода в армию. Начали встречаться, за руки держались, целовались, в общем, романтика. Понравилась она мне сильно. И решил я, что будет она моей женой. Она согласилась. И не против она была более близких отношений. А меня как переклинило. Решил девочкой ее оставить, что б значит знать, как ждать меня будет. Да и друзьям сказал, чтоб за ней присматривали. Вобщим -выходные свадьба. Первая брачная ночь, она подушку зубами рвет. Вроде бы и замужняя, а мужа не познала, слезы, а я как истукан за столом сижу, зубы сцепил, руки сцепил, и одно себе твержу – зато буду знать любит, или не любит. Так почти всю ночь и провели, она плачет, а я сижу. А в понедельник военкомат. **НЕБОЛЬШАЯ ПАУЗА.** Вот и узнал. Да, теперь не женой не тронутой будет, а вдовой.

2-й солдат:

– Слушай, а до нее у тебя, что ни кого не было?

Сержант смотрит на него пристально несколько секунд.

Сержант:

– Не было, все силы и время на спорт уходили. Да я как-то особо на девчонок не глазел, спорт для меня главное было. А тут ее увидел.... И все. Так, что мужики, можете смеяться, девственник я.

3-й солдат:

– Похоже, не кому тут над тобой смеяться, мы все, такие как ты..... потомков не оставили. Ну, разве, что кроме товарища прапорщика.

1-й солдат:

– Товарищ прапорщик, а у Вас дети есть?

Прапорщик слегка задумавшись:

– Да, есть, дочка, уже взрослая. Правда, я хреновым отцом был, эгоистом, не мог я ей показать, как люблю ее, мало внимание и заботы ей уделял, но жизнь, не задумываясь за нее отдал бы, что похоже сегодня и сделаю.

Все молчат, прапорщик оглядывает солдат взглядом и голос прапорщика из репродуктора театра (мысли)

Мысли прапорщика:

– Господи, это же геноцид против русого народа. Сами же его и творим. Пацаны желторотые. Потомство не оставили, вроде как рано, а умирать всегда пожалуйста. В древней Спарте таких на войну не брали, а сейчас давайте, кладите головы свои. Да... Россия матушка, сама себя под корень режешь, не любишь ты детей своих, родная, а потом возмущаешься, что и другие тебя не любят, уважения к тебе нет. А уважение надо не силой зарабатывать, а уважением к самой себе. Вот тогда и другие за уважают. А то Задорнов на концертах в зал кричит – «Вы дураки» и все смеются. Ладно бы война, как Отечественная была, тогда понятно, что называется и стар и млад. Но сейчас, зачем же от титки матери то отрывать и в пекло бросать. Здесь должны быть только такие как я, кто Родину не по книжке любит, а по нутру своему, кто уже жизни нахлебался, не эти сопляки не целованные. А им бы на наших примерах учиться, да потом самим такими становиться. Да, жалко Ваших матерей, которым всю жизнь в черных платках ходить. Вам то что, пуля или осколок и все ни каких проблем, а матерям Вашим всю жизнь на могилах Ваших слезы лить. Сколько памятников солдатам и не известным и известным, а вот про памятник Матери, Я не слышал.....Да жизнь, сложная ты штука, одни за бабло бьют друг, друга, все ни как не нахватаются, думают они вечные нет у них ничего святого в душе, а время придет, душу наверное грязь разъедает, а эти за людей, но зато без боли в душе. Но ничего, хлопчики, в другой жизни воздастца.

За кулисами звучит взрыв. Имитации атаки боевиков.

Прапорщик:

– К бою!

Имитация боя 1—2 минуты. Взрыв гранаты (можно петарду). 1-й солдат ранен в ногу. Временное затишье.

Сержант:

– Кажется, отвалили

Прапорщик:

– Сейчас перегруппируются и опять пойдут

1-й солдат слегка стонет.

Прапорщик:

– Что у тебя?

1-й солдат:

– Да меня, похоже, зацепило. В ногу

2-й солдат начинает перевязывать рану 1-му солдату.

Прапорщик:

– Что там, рана серьезная?

2-й солдат:

– Кость, похоже, не зацепило, но осколок глубоко засел. Здесь не вытащить.

Прапорщик раненому:

– Стрелять сможешь?

1-й солдат:

– Смогу, но патронов почти нет

Сержант:

– Кажется, у нас у всех заканчиваются

3-й солдат:

– А что потом? Врукопашную? Только думаю, мы долго против 30 человек не продержимся (говорит с горькой усмешкой).

Сержант:

– Да, умереть то особо и не страшно, хотя конечно не хочется, но как-то уже свыкся с этой мыслью, а вот неизвестно сгинуть.....

2-й солдат:

– Не зря говорят, что на миру и смерть красна.

Сержант (с горькой усмешкой):

– И никто не узнает, как мы тут за Россию, за людей.....

1-й солдат:

– А может оно и к лучшему. Матерям скажут, что без вести пропали, будут думать, что мы в плену, будут ждать, хоть смысл в жизни обретут.

3-й солдат:

– А у меня братишка младшенький, ему 5 лет, поздний ребенок у родителей, когда уходил, говорит, я вырасту тоже на войну пойду (имитирует вытирание слезы ладонью). Батю у нас три года назад в шахте завалило, он шахтер был. Один братишка у мамы. Может его хоть не возьмут, а возьмут, с того света вернусь и тех кто взял.

Прапорщик, слушая высказывание солдат, обводит всех взглядом, а потом резко говорит:

Прапорщик:

– Слушать сюда. Задание мы выполнили. Перевал взорвали, теперь там духи не пойдут, а пойдут через ущелье. Рация у нас разбита. Передать командованию мы ничего не сможем. Рассчитывать на воздушную разведку не стоит. Поэтому войска с перевала могут и не перебросить в ущелье, и там будет опять неравный бой с духами, и опять появятся матери с белыми волосами в черных платках. Приказываю. Вам четверым вот по той тропе (**показывает рукой в противоположную сторону, от стороны где имитируется нахождение духов**) идти к нашим, идти надо ускоренным маршем. Раненого понесете на автоматах. Боеприпасы, что остались – гранаты, патроны, оставить мне. Себе оставите по одному патрону в патроннике. Если духи настигнут, валите себя ребятки, не гоже солдату России в плен идти, да рабом быть. И помните ребятки, от того как скоро вы придете к нашим зависит сколько черных платков появится в России. Все. Выполнять.

Солдаты не двигаются, молча, переглядываются друг с другом. А мотом смотрят на прапорщика.

Прапорщик кричит:

– Ну, что окаменели, я сказал выполнять. Сержант ты старший.

Сержант:

– Товарищ прапорщик, мы пацаны молодые и жить хотим, но мы не ублюдки. Вместе были вместе и останемся.

Прапорщик говорит строгим, четко поставленным голосом:

Прапорщик:

– Мужики, уйдете, честь не замараете. Я не говорю Вам спасти свою жизнь, да Вы этого и не сделали бы. Я говорю Вам, спасите сердца матерей, чьи сыновья могут навсегда остаться в ущелье. Ваше время еще не пришло мужики. Моя судьба здесь. Да, и самое главное, сделайте так, что бы Ваши матери не надели черные платки.

Солдаты начинают молча отдавать прапорщику патроны.

Сержант:

– Товарищ прапорщик, у меня только одна граната

Прапорщик:

– Что ж, оставляю ее для себя

Сержант:

– Товарищ прапорщик, может, письмо кому-нибудь напишете, адрес я запомню, в случае чего духи не узнают.

Прапорщик:

– Да, сейчас, быстро дочери напишу. **Прапорщик имитирует написание письма, а в это время в репродукторах идет озвучка письма**

Письмо:

– Дорогая доченька! Прости меня, я был плохим отцом, мало уделял тебе заботы и внимания. Но я любил и люблю тебя, родной мой ребенок! Я ни задумываясь, отдал бы за тебя жизнь и судьба мне сейчас эту возможность предоставила. Прости меня и прощай.

Прапорщик отдает письмо сержанту. Быстро пишет адрес на листке бумаги. Сержант читает. Прапорщик рвет адрес на мелкие кусочки.

Сержант и солдаты отдают честь прапорщику, прапорщик отдает честь солдатам и они уходят. Прапорщик занимает боевую позицию за одним из валунов.

Прапорщик:

– Ну, все шакалы, теперь погутаим. **Начинается бой (1—2 минуты). Идет имитация стрельбы прапорщиком. У прапорщика заканчиваются патроны, и он смотрит на автомат**

Прапорщик:

– Ну все, похоже отвоевался. Эх мать пере мать будем духов в... мы драть (**говорит с тоской в голосе**). Похоже, пришло время Всевышнему отчет давать о жизни своей.

Достает гранату. Срывает чеку. Зажав ее в кулаке, подкладывает кулак с гранатой себе под голову. Сам опирается о камень, кулак с гранатой под головой. Ждет боевиков. Голос прапорщика из репродукторов (мысли).

Мысли прапорщика:

– Прости Господи, я знаю, что самоубийство это грех, но ты пойми, не хочется, что бы эти шакалы играли моей головой в футбол.

Эх, солнышко, солнышко, а я и не знал, как ты прекрасно, предательские слезы, застилают глаза. Но я не плачу, Господи, нет, не плачу, они сами. Я знаю, это моя судьба, это воля твоя, значит, время мое пришло. Укрепи душу мою Господи, что бы с честью перед тобой предстать и не суди меня строго, вроде бы конченным подлецом не был, а если где и ошибался, прости меня Отче. Я благодарен тебе Господи, ты позволил мне за этих пацанов желторотых жизнь отдать, это великая честь, значит, любишь ты меня. Может, чья – нибудь мать и помолится за меня.

На сцену забегают боевики 8—9 человек. Прапорщик разжимает кулак. Срабатывает запал. Граната не взрывается, она оказалась пустой. Боевики хватают с ненавистью прапорщика и поднимают его.

Боевик:

– Ну что, гоблин, настрелялся

Видит на земле лежит граната без чеки. Поднимает ее.

Боевик говорит остальным боевикам:

– Хотел в небо отправиться и нас захватить, но Аллах не позволил неверному это сделать.

Все боевики громко:

– Аллах Акбар!

Командир отряда боевиков подходит к боевику, забирает у него гранату. Смотрит на нее и говорит прапорщику

Командир боевиков:

– Что, русский, плохо Вас снабжает ваша армия, даже гранат Вам хороших не дает. Такой гранатой только орехи колоть. А нам ваши предатели, которых мы тоже презираем, лучшее продают.

Все боевики смеются.

Боевик:

– Надо ему чик башка и пошли дальше

Командир боевиков говорит прапорщику:

– Ты смелый солдат, иди ко мне воевать. У тебя все будет – деньги, женщины, все, что захочешь.

Прапорщик:

– Все говоришь, может и все, только души у меня тогда не будет, совести и чести.

Командир боевиков:

– Ты хочешь сказать, что у нас чести нет

Прапорщик:

– А в чем ваша честь?

Командир боевиков:

– Мы за родину воюем, освобождаем ее.

Прапорщик:

– Родину освобождают от захватчиков, которые несут зло людям твоей родины. А кто захватывал твою родину, кто несет зло людям твоей родины? Мы жили вместе, а потом вам захотелось повоевать, и вы сделали нас врагами, нас, которые кормили народ твоей родины. И сейчас мы освобождаем народ твой родины от таких, как ты, так, что захватчик ты, а не я.

Боевики начинают возмущенно кричать, раздаются возгласы- «Зарезать его, как барана». Командир боевиков поднимает руку-знак тишины. Боевики замолкают.

Командир боевиков:

– Хорошо гяур, ты смелый. Стань на колени, проси пощады, и я отпущу тебя, уйдешь с честью, тебя ни кто не тронет.

– **Прапорщик:**

– Дурак ты, честь на коленях не стоит. Да и кого ты хочешь поставить на колени? Я солдат России, ни когда русского солдата на колени поставить не могли и пощады русский солдат не просит, потому, что гибнет русский солдат не как баран, а как бык-молча и стойко. Солдат России только перед Богом на коленях стоит.

Боевики начинают бить прапорщика, бьют его сзади под колени и он падает на колени. Командир боевиков приближает к нему лицо и со смехом говорит.

Командир боевиков:

– Ну что Русский, вот ты и на коленях. А говорил, что ни когда не станешь на колени.

Прапорщик:

– Давить вас надо, как клопов, выжигать коленным железом.

Прапорщик плюет в лицо командиру боевиков. Его опять начинают бить. Один из боевиков за волосы оттягивает прапорщику голову. Второй к горлу прапорщика приставляет кинжал с намерением резать. Командир боевиков останавливает его. Вытирает ладонью лицо.

Командир боевиков:

– Подожди, он не заслужил такой быстрой смерти. Каленым железом говоришь. Накалить мне кинжал.

Боевики имитируют разжигание костра и накаливание на костре кинжала. Потом разрывают на прапорщике китель. Командир боевиков медленно подносит накаленный кинжал к груди прапорщика и прижигает ему грудь. Во время прижигания, боевики кричат – «Аллах Акбар». Прапорщик слегка дергается в руках боевиков и слегка стонет от боли. Голова прапорщика склоняется к груди. Боевики поднимают за волосы голову прапорщика. Командир боевиков смотрит в лицо прапорщику и говорит.

Командир боевиков:

– Ну что русский, молчишь, как бык, а ты поблей как баран, легче станет.

Боевики смеются. Прапорщик начинает медленно, запинаясь, преодолевая боль петь

Прапорщик:

– Россия, любимая моя, родные березки тополя. Как дорога ты для солдата, родная Русская земля!

Прапорщик прекращает петь и смотрит на боевиков.

Прапорщик:

– Что абреки, толпой на одного вы смелые. А если раз на раз, на кинжалах, с завязанными глазами, по закону гор. Что штаны замарали?

Командир боевиков смотрит на прапорщика.

Командир боевиков:

– Русский, горы степи не кланяются, ты хочешь, как воин умереть, в бою? Что ж я дам тебе такую возможность, ты это заслужил. Больше того, если ты меня убьешь, тогда уйдешь отсюда живой.

Смотрит на боевиков смеясь. Смеются и боевики.

Командир боевиков:

– Вы слышали, если он меня убьет, отпустите его.

Смотрит на прапорщика.

Командир боевиков:

– Убьешь, значит, твой Бог будет сильнее

Прапорщик:

– Бог один, а мы лишь его бестолковые дети

Прапорщику и командиру боевиков завязывают глаза и дают кинжалы. Начинается поединок. Боевики создают круг. Прапорщик и командир боевиков осторожно передвигаются по сцене. Они тычут впереди себя кинжалами, пытаясь, убить друг друга. Прапорщик услышал легкий шорох с лева от себя и сразу нанес туда удар. Его кинжал попал в живот командиру боевиков. Командир боевиков замертво падает на сцену. Прапорщик стоит не двигаясь. Немая сцена несколько секунд. Потом боевики хватают прапорщика, срывают у него повязку с глаз и начинают его бить. Бьют ногами, прикладами автоматов. Потом обессиленного, избитого, тянут

к нарисованному на полотне деревянным воротом. Распинают его и кинжалами прибивают его руки к нарисованным воротам. Прапорщик очнулся от боли.

Прапорщик:

– Господи укрепи меня! Воля твоя, за людей иду к тебе. Прими душу мою. Дай сил, что б не видели они страданий моих, что б не слышали стонов моих.

Боевики прибивают руки прапорщика, смеются и кричат «Аллах Акбар».

Прапорщик:

– Больно господи. Дай сил с честью придти к тебе. Прости меня Отче!

Прапорщик преодолевая боль и что бы боевики не слышали его стонов опять начинает петь -кричать

Прапорщик:

– Р-ро-о-о-ссия лю-лю- бима-я-я-я моя, ро-о-о-о-дные березки тополя а-а-а-а, как до-о-о-рога-а-а-а ты для со-о-о-олдата-а-а родная.....

Голова прапорщика склоняется на грудь, и он уже тихо говорит

Прапорщик:

– Русская земля!

Прапорщик распятый замолкает.

Боевики кричат «Аллах Акбар».

Боевик:

– Что русский, теперь ты в горах на всегда. **Боевики, смеясь и крича «Аллах Акбар», уходят со сцены**

Финальная сцена:

Распятый прапорщик, затемнение, свет от прожектора направлен на прапорщика и голос из репродукторов:

– Прапорщик погиб. Он был найден на следующий день, другой группой разведчиков. Ему было присвоено звание Героя России посмертно.

Почтим память Русских солдат с честью исполнивших свой долг, вставанием!

Занавес. Конец. ИГОРЬ ТАРКВИМАДА

Пьеса В 1 акте Бог судит, а не люди!

**Эта пьеса о том, как поверхностная духовность и доброта
оказываются ложными, а истинное состояние души –
подлость и лицемерие.**

**(Время Батыева нашествия,
деревня где-то под городом Рязань)**

«добреный, не значит добрый»

Действующие лица:

Авдей- младший брат (мужчина 40—45 лет).

Серафим —старший брат (мужчина 45—50 лет).

Емельян —староста деревни (мужчина 60—65 лет).

Панкрат- сын Емельяна (мужчина 25—30 лет).

Панкрат в детстве (мальчик 10—12лет).

Декорация: на сцене стоит деревянный стол, стулья, деревянные тарелки, ложки. За столом сидят Авдей, Серафим и Емельян, имитируют процесс еды. Одежда—полотняные рубахи и штаны, на ногах лапти. (дом Емельяна).

Серафим:

— Что брательник кровный, жрешь и не давишься?

Емельян:

— А чего ему давиться, я позвал, я кормлю

Серафим:

— Кого, Иуду кормишь? Он же татарам зад лизал, когда мы здесь, в лесах, с дружиной князя Ярослава траву, да червей жрали, когда подыхали с голодухи, а татарам все ж кровь пускали.

Емельян:

— Брось, Серафим, он тогда молодой еще был. Ты же знаешь, хан Аспарул невесту его, Любаву, забрал, вот Авдей, что б Любаву вернуть и пошел Аспарулу служить.

Серафим:

— Да, служить, да Русских людей губить

Авдей:

— Я ни кого не губил, я на поруках был. Мне хан Аспарул говорил, а я его слова сотникам передавал.

Серафим (язвительный сарказм):

— А что же он тебе такое говорил, как любя ему наша Русская земля?

Авдей (опустив голову и не поднимая глаза):

— Нет, куда отряды посылать

Серафим (вскакивая со стула и хватая Авдея за ворот рубахи):

— Отряды посылать, Руссичей губить. Ты же кат поганный своих губил, баб да детишек басурмане в полон уводили по твоему навету.

Емельян:

— Охолонь, Серафим. Молод он еще был, Любава сердце его заполонила, вот и не вразумел он, где черное, а где белое. Блызила ему Любава, он же ее из полона хотел высвободить.

Серафим:

— Какой полон? Она ж сама Аспарулу глянутся возжелала. А Авдей? Ты же мне сам говорил.

Авдей:

— Да, а что ей было делать. Если бы к Аспарулу добровольно не пошла, мать ее и сестры младшие в полоне сгинули.

Серафим:

— В каком полоне? Мать и ее сестры в лесах прятались, и она это знала. Просто ты для нее не что, с Аспарулом она хотела быть, и ты это понимал, да тешил себя думкой, что твоей будет.

Авдей:

– Да тешил, все надеялся, может, глянусь я ей, может за службу свою отдаст мне ее Аспарул.

Серафим:

– Ну, и как, получил награду?

Емельян:

– Угомонись, Серафим. Дело прошлое. Сейчас Авдей вона как в дерене нашей работает, за все берется, крепится и не ропщет. Простить надо, молод был, глуп.

Серафим:

– Простить? Простить, за то, что секли меня татары голого на морозе. Хотели знать, где дружина княжеская хорониться. А я зубами губы свои грыз, чтоб молчать. А Авдей видел все (**тычет в Авдея пальцем**), видел, как брательника его единокровного секут, видел, как ошметки кожи моей разлетаются, да еще и подсмеивался с тарами, когда стоны свои я не мог сдерживать.

Авдей:

– Прости, брат. Любава душу мою затмевала

Серафим:

– Простить, говоришь. Простить за то, что от батьки отвернулся, когда его с полонянами вели, а потом, как старшему отряда, который он собрал и с которым татар бил, голову секли. Ты спужался, что и тебя с батькой....., или что, опять скажешь, Любава затмила...? Нет, жизнь свою поганую потерять спужался.

Емельян:

– Серафим, ну шибко ты ..., не шибко его пытай, асемнадцать годков ему тогда минуло, душа его еще не утвердилась.

Серафим:

– А когда сестренку нашу, Авдотьюшку, поганые сильничили, а матку порубали, за то, что кинулась защищать ее, это как?

Бьет на отмажь Авдея. Авдей падает, а потом медленно встает. Емельян вскакивает, хватает Серафима за руки

Емельян:

– Охолонь, охолонь, Серафим. Не он же это делал.

Серафим садится, вытирает ладонью глаза, имитируя слезы. Садится Емельян, Медленно садится Авдей из под лобья поглядывая на Серафима. Выбегает маленький Панкрат, в руке у него маленький деревянный меч.

Панкрат:

– Дядя не плачь, на тебе меч, всех татар побьешь.

Серафим (гладит Панкрата по голове):

– Да я не плачу, вырастишь, поймешь, что иногда дядькам в глаза соринки залетают, дюжа тяжкие, вот и слезятся глаза.

Емельян:

– Панкратка, беги, играйся в другом месте

Панкрат убегает со сцены.

Серафим (говорит с болью и горечью в голосе):

– Да не он, но он был там и все видел, и не заступился ни за батьку, ни за матку ни за сестренку. Да не он, руки его не делали, зато душа его делала, отступничеством своим. Продал он душу свою поганым. Как же я такое забыть смогу?

Авдей:

– А ты знаешь, сколько я страдал, как сердце мое разрывало.

Серафим:

– Что страдал? Видно шибко ты страдал, что и дальше татарам служил, они всех...., а ты им служил, подлая душонка твоя. И не пытками, ни катаньем тебя заставляли, по воле своей ты им служил. Все думку лелеял, с Любовой быть. И не из-за смерти батьки, матки и сестренки ты страдал, а страдал ты от того, что Любава из шатра ханского счастливая выходила, а ты зрел это и ее радость душу твою разрывала, и затмевала боль и страдание родителей наших. Вот почему ты страдал. Не было тебе больно за родных, за Русскую землю, за плоть свою поганую ты страдал. Душа твоя змеиная, токмо о себе печешься.

Авдей:

– Но я же ушел от татар, сам ушел, ночью ускакал.

Серафим:

– Ускакал, когда Аспарул, Любовой натешился, а потом тебе за верную, подлую службу твою отдал. И ускакал ты потому, что уже ни кому не нужен стал со своей.... (**серафим плюет в сторону**).

Небольшая пауза около минуты.

Серафим:

– А ты Емельян змею эту у себя на груди пригреть хочешь. Смотри Емельян, отрыгнется тебе твое добро, ядом змеиным отрыгнется.

Серафим зло смотрит на Авдея, слегка поднимается со скамьи, руки сжаты в кулаки. Авдей слегка отстраняется от Серафима. Емельян останавливает их.

Серафим:

– Авдей, уходи, на тебе кровь батьки с маткой, как людям в глаза смотреть будешь. Ты же здесь с татарами...гулял. Люди тебе не простят, как в глаза им смотреть будешь. Не мытаньем и катаньем тебя татары понуждали, а по воле своей ты с ними был. Людей постыдись.

Емельян:

– Хватит! Село татары шибко порушили, надобно поднимать его, отстраивать. Людей нет. Так что Серафим, Авдей, со своей Любовой, останется у меня. Нас с сынишкой, моим Понкратом, не шибко стеснят.

Серафим:

– Ну, смотри Емельян. Отплатит он тебе, как батьки с маткой отплатил. Ты то его защищаешь, оправдать хочешь, а он, доведется ему, черным злом тебе отплатит. Нутро его такое.

Емельян:

– Нет, Авдей по недомыслию и по слабости души своей татарам служил, по слабости, а не по подлости и выгоде.

Авдей:

– Да, по слабости, братка, я не подлец

Серафим:

– Ты не брат мне, Каин. А подлость твою душевную время покажет.

Затемнение сцены. Голос через репродукторы:– «Прошло несколько лет, та же хата, Авдей стал старостой села».

В хате сидят Авдей, Серафим, Емельян и взрослый Панкрат сын Емельяна, Панкрат с опущенной головой, Емельян в углу, то же с опущенной головой.

Панкрат:

– Дядя Авдей, прими в село, ты же староста, как ты скажешь, так и будет.

Авдей (говорит высокомерно):

– Люди не поймут. Ты в полоне у татар кем был, надсмотрщиком, Руссичей сек. Кровь Русскую пушал.

Серафим:

– Ни тебе его попинать, иль забыл свои грехи.

Авдей:

– Замовчк, Серафим, терплю тебя, да верно Любава молвит, гнать тебя надо батогами, хлеб мой ешь, в хате моей живешь.

Серафим:

– Ой ли, хлеб я своим потом добываю, а хата не твоя, а Емельяна. И Панкрата ты гонишь, что б хату ему не отдавать, прижились вы с Любовой на чужой печи.

Авдей:

– Мои грехи, дело прошлое, я потом своим на полях хлебных их искупил, а хату нам Емельян сам отдал. Мы его с Любовой кормим, за это и хата эта наша. И не из-за хаты я Панкрата не пушаю, а за предательство, что своих в полоне мучил.

Панкрат:

– Прости, дядя Авдей, не по подлости души своей я татарам служил. Когда разбили дружину нашу на озере Илеть, в полон меня взяли, я едва на ногах стоял, уже биться не мог. В полоне шибко тяжело было. Еды мало было, били часто. Не здюжил я. Дюжа тяжело было. Разум терял. Боли много перенес. Вот и взял я кнут в руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.